

Константин КИНЧЕВ:

“Меня заносит на каждом шагу...”

Мит. газ. — 1996. — 24 апр. — С. 8

НЕДАВНО в Петербурге, а затем в Москве прошли концерты группы “Алиса”, представившей новый альбом “Джаз”. Первое отделение концерта удивило “алисоманов”: их кумир Константин Кинчев предстал перед публикой в простой черной футболке и черных брюках, без грима. Все первое отделение он и его группа исполняли песни, больше похожие на баллады, а тексты их чем-то напоминали лирику Есенина. “Постарел Костя, вон и волосы седые появились, и песни не такие “крутые” поет, но все равно здорово!” — делился со своим приятелем впечатлениями от концерта на выходе из зала паренек лет восемнадцати. “Да нет, он просто “прикалывается”, новый имидж лепит”, — глубокомысленно отвечал тот.

С разговора о новом образе популярного рок-исполнителя и началась наша беседа с лидером группы “Алиса” Константином Кинчевым.

— Под словом “имидж” исполнители, видимо, подразумевают образ, которому они следуют и в плену которого, соответственно, и оказываются. Что касается меня, то я живу, как мне живется, занимаюсь творчеством. Кому-то оно нравится, кому-то — нет. Задумываться на предмет того, в каком образе я предстану перед людьми, для которых мы играем, у меня нет времени. Мне это скучно.

— Иногда странно бывает наблюдать за нашими популярными эстрадными певцами и рок-музыкантами, над которыми как бы не властно время. Вот ему уже за сорок, а то и за пятьдесят, а он прыгает по сцене, всячески

изображает из себя эдакого шалуна-мальчишечку...

— Конечно, любой человек со временем меняется, то есть он, выражаясь банально, попросту стареет: появляются седые волосы, морщины. У кого-то брюшко, у кого-то лысина. Но это внешне проявления возраста. Если у человека есть определенный стержень и внутренний моральный закон, то он может остаться и прежним и в сорок чувствовать себя так же, как в двадцать.

— С вами дело обстоит именно так? Вы не замечаете перемен и в собственном творчестве?

— Мне кажется, перемены чисто внешние. Ну, может быть, появились более бережное отношение к слову, к текстам песен. Хочется как можно более ясно выразить собственные чувства, а не расцвечивать слово метафорами, которое чаще всего скрывают бессловие. Поэтому вот так: к Пушкину, к Пушкину!

— Назад к Пушкину!

— Вперед к Пушкину!

— А как насчет предмета творчества? О каких явлениях жизни хочется размышлять, о чем писать?

— О нашем поколении, которому довелось воочию наблюдать смену эпох. Мы удостоены этой чести. Первое поколение — современники Христа. Вторые — те, кто жил во времена крещения Руси. А третье — мы с вами.

— И свидетелями чего мы сегодня являемся, по-вашему?

— У меня была одна строчка в песне “Мое поколение”. Там я сказал, что могу предвидеть, но не могу предсказать. В ней я все сказал, что думаю.

— Константин, принято считать, что рок-

музыка — это музыка протеста. Если это так, то против чего в сегодняшней жизни вы возражаете, что вас в ней не устраивает?

— Прежде всего я никогда не считал, что рок — это музыка протеста. Это просто наиболее доступная форма самовыражения в XX веке. Вот и все. Если бы мы жили в прошлом столетии, такой формой выражения, наверное, была бы чистая поэзия и литература. А теперь, после появления электричества, всяческой индустриализации и тому подобного, дьявольского по сути, самовыражаться проще с помощью электромузыкальных инструментов. В российской культуре рок-музыка действительно занимает особое место, так как в ней традиционно на первом месте слово, а оно всегда было важно именно в нашей стране. В моем репертуаре тоже есть так называемые социальные песни, но они для меня какие-то сиюминутные, не слишком важные...

— То, что сегодня происходит в стране, все эти выборы-перевыборы вас не волнуют? Это вас как-то касается как творческого человека или вы стараетесь быть в стороне?

— Честно говоря, у меня нет никакой “гражданской позиции”, что, конечно, плохо. Я не могу заявить: я — за это и против того. Я бы сказал, но до меня уже сказал Николай Островский, о том, что задача каждого человека — ощутить, что жизнь ему дается один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Бессмертная фраза, и она мне очень нравится. Душа, вечная душа человека, входит в его плоть всего лишь единожды. Все остальные приблуды о переселении душ туда-сюда — это чисто дьявольские отмазки, чтобы человек успокоился и ленился. А душа (опять скажу банальность) обязана трудиться.

— А какая часть вашей души переселялась в тех ваших слушателей-фанатов, которые после окончания концертов несколько лет тому назад шли бить витрины магазинов и громить все, что попадалось на их пути? И как вы вообще относитесь к фанатам?

— Очень хорошо. А суть всех этих инцидентов с погромами в одном. Люди идут на мой концерт и встречают жесто-

кое и хамское отношение к себе со стороны милиции. Это ведь в основном подростки 17–18 лет.

— То есть дело только в поведении милиции, а не в той энергии зла, которой, по мнению некоторых критиков и журналистов, вы заражаете зал?

— Зло уживается в моей душе вместе с добром, как и в душе любого человека. Человеческая душа подобна радуге, она многоцветна. Поэтому если бы я сказал, что весь я такой светлый-пресветлый, то соврал бы. Моя душа, как поется в одной из песен “Алисы”, подобна общественному сортиру. Хорошо бы ее, конечно, отмыть от грязи, хорошо бы, чтобы во мне почаще просыпался уборщик и дворник.

— Сейчас часто политики используют рок-музыкантов для поддержки своих взглядов, для, так сказать, внедрения их в массы. Есть и среди рок-музыкантов проповедники коммунистических и даже фашистских взглядов, тот же Егор Летов. Как вы к этому относитесь? Перед декабрьскими выборами и сегодня поступали подобные предложения “Алисе”?

— Да, и не одно. Но мы от всех предложений отказываемся. На мой взгляд, у всех, кто занимается политикой, чрезмерно раздутое ощущение собственной значимости, собственного “я”. При этом ничем не подкрепленное: у них нет таланта созидателя, как у творческих людей, все они в основном дистроеры. А сотрудничать с ними соглашаются люди, которые в творческом плане ощущают себя эдакими сдутыми шариками. Творческое зерно у них отсутствует, а привычка быть всегда на виду не исчезает. А как подогреть интерес к себе? Или скандалом, или примкнув к определенной группировке или тусовке. Люди, которые себя исчерпали, почему-то непременно впадают в такую крайность.

— Но вы сами, помнится, были участником августовских событий 91-го года и даже получили медаль как защитник Белого дома?

— Да, в те три дня я был на баррикадах. Об этом не жалею. А медаль, которую мне вручил президент во время одного из предвыборных шоу (кажется, в тот раз оно проходило под девизом “да-да-нет-да” или что-то в том же роде), я

вернул. Вернул ее в декабре 94-го в связи с гибелью Дмитрия Холодова.

— Что сегодня происходит с роком? Как вы относитесь к словам из песни Бориса Гребенщикова “рок-н-ролл мертв, а я еще нет”?

— Отношусь как к словам из песни Гребенщикова. За целое движение я не отвечаю. На мой взгляд, все в порядке. Был недавно на концерте “ДДТ” и получил колоссальное удовольствие.

— Совсем недавно вышел сборник стихов Константина Кинчева...

— Это не стихи, это тексты песен. Но мне было бы очень приятно, если бы в “Антологии поэзии XX века” хотя бы одна строчка была от меня.

— Ваш новый музыкальный альбом называется “Джаз”. Он сильно отличается от предыдущих: в нем много песенных баллад, ритм вошедших в него вещей более спокойный, а тексты песен более, что ли, уравновешенные, не рваные. Говорят, появился “новый Кинчев”?

— Название альбома навеяно настроением от прекрасного фильма “Весь этот джаз”. Альбом действительно легкий, “не грузит” в отличие от всех остальных. Что ж, он отражает мое сегодняшнее настроение. А вот прошлая работа, альбом “Черная метка”, была дьявольской. Она связана с гибелью нашего гитариста, совершившего самоубийство. “Черная метка” посвящена этому страшному событию в жизни “Алисы”.

— Бунта в ваших песнях стало меньше. Успокоились с возрастом, как, к примеру, Гребенщиков, или загнали бунт внутрь?

— Да не бунтую я, просто пытаюсь разобраться в себе. Чем больше живу, тем больше понимаю фразу: “Я знаю, что я ничего не знаю”. Гармония — это прекрасно, как и стремление к ней. Это стремление и есть, наверное, творческий процесс. И еще одно: гармония без церкви, мне кажется, не бывает. Поэтому идти к ней надо вместе с Богом. То есть всегда, когда тебя заносит, ощущай, что происходит это потому, что ты мало уделял внимания Небу. Вот и все. Правда, меня заносит на каждом шагу...

Беседу вели

Николай КАВИН,
Татьяна ПУТРЕНКО